

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

в исполнении Марианны Кребассы. Как и Кребассе, эта травестия очень к лицу Поле Муррихи, но вот с костюмом, видимо, всё не так просто: Идамант, в отличие от других главных героев, так и остаётся носителем пижамы. Возможно, прекрасную фигуру певицы сложно замаскировать другим костюмом.

Уже названо достаточно много имён певцов, чтобы представить себе, как их голоса сочетаются на сцене. Как уже было сказано, зальцбургский зритель услышал совсем не то, что пермский. Из известного нам состава осталась только Йинь Фан в роли Илии, но она решительно изменилась: пермские зрители единогласно отмечали холодность и бесплотность её голоса, что было особенно заметно по контрасту с Электрой — Элеонорой Буратто, эмоциональной, с сочным гибким сопрано. Спустя два месяца в голосе китаянки появились краски и сила, да и зальцбургская Электра — Николь Шевалье, в отличие от Буратто, молний в зал не метала, так что особого контраста между ними не было.

Вообще, голоса для «Идомедея» подбирались, похоже, по принципу сходства, а не контраста. Пола Муррихи, конечно, меццо-сопрано, но довольно высокое, а голос Джонатана Лемалу, певшего за Нептуна, существенно выше баса Виктора Шаповалова, блистательно исполнившего эту небольшую партию в Перми. Певцы зальцбургской постановки порой так близки друг к другу теснотой, что голоса буквально сливаются. Это даёт очень интересный эффект, учитывая, что поют все безупречно и очень «по-курентзисовски»: подчёркивая в музыке контрасты, с резкими крещендо и нежнейшими пиано.

Всеми этими вокальными ухищрениями особо блистательно владеет, конечно же, хор MusicAeterna, который каждую минуту на сцене оправдывает своё название: он и есть музыка во плоти.

Зал Скального манежа в Зальцбурге устроен так, что во время представления оркестр видно зрителям, хотя он и не находится на сцене. Это каждый раз создаёт проблему: хочется смотреть и на певцов, и на музыкантов. Фрайбургский барочный оркестр, который считается коллективом — специалистом по моцартовским операм и уже принимал участие в постановках «Идомедея», в этом отношении особенно примечателен: хочется рассматривать все эти диковинные инструменты и специфическую манеру игры.

Накануне премьеры «Идомедея» Теодор Курентзис выступил со своим «штатным» коллективом — оркестром SWR (Юго-западного радио) из Штутгарта. Играла Седьмую симфонию Шоста-

ковича — «Ленинградскую». Зрители, которые посетили оба выступления, могли сравнить, как Курентзис работает со «своим» и «чужим» коллективами. Видно было, что дирижёр изрядно поработал со штутгартским оркестром: немецкие музыканты отлично усвоили его приёмы — и музыкальные, и исполнительские — так, в кульминационные моменты оркестр вскакивал и начинал играть стоя, а тогда, когда у Шостаковича прорываются джазовые нотки, стоя играла лишь группа медных духовых — ну точно как в джаз-банде.

«Ленинградка» прозвучала в Зальцбурге сенсационно. Курентзис и его музыканты сделали всё, чтобы показать зрителю, что на эпизоде нашествия эта музыка вовсе не кончается: в симфонии есть и ностальгические вальсы, и оцепенение от пронизывающего холода блокадной зимы, и медленно разгорающийся свет восстановления жизни. Зальцбург принял эту симфонию восторженно, как редко кого принимает, — зал стоя вопил и рыдал.

С Фрайбургским барочным всё было иначе. Это был союз равноправных партнёров: казалось, что дирижёр не доминирует над оркестром — они просто совпадают в понимании этой музыки.

Финал — полчаса балетной музыки, когда оркестр четырежды повторяет одну и ту же тему, — пожалуй, получился менее эффектным, чем у MusicAeterna в Перми; впрочем, в Перми не было балета, а здесь он был, и Питер Селларс считает приглашение самоанского хореографа Леми Понифасио, знатока ритуальных танцев Полинезии, важной деталью постановки: по словам режиссёра, в танцах, поставленных Понифасио, звучит голос жителей островов, которым грозит затопление вследствие глобального потепления.

Это очень странный балет, совершенно не сочетающийся с музыкой Моцарта — не только стилистически, но даже ритмически. Движения мужчины и женщины в национальных костюмах Полинезии — все эти перемещения по сцене мелкими шажками, помавания руками, застывания в напряжённых позах и резкие громкие удары ладонями по бёдрам — происходят как бы сами по себе, а музыка — лишь звуковой фон для этого ритуала. Впрочем, это не раздражает, а создаёт забавный, слегка будоражащий контраст.

И это далеко не самое большое недомыслие, которое вызывает «Идомедея» в версии Питера Селларса.

Публика приняла премьеру тепло, но далеко не так, как накануне принимала Шостаковича. Это были совершенно разные оттенки тепла.

Квартет в начале второго отделения «Идомедея» похож на па-де-кватр

ВЕРНИСАЖ

Пластисфера творчества

В музее PERMM открылась «пластиковая» выставка

Юлия Баталина

В то время как в Зальцбурге репетировали постановку оперы Моцарта «Идомедея», по воле режиссёра Питера Селларса превращающаяся в предупреждение об экологической катастрофе и повествующую о засилье пластика в Мировом океане, в Перми, в Музее современного искусства, готовилась к открытию выставка ровно о том же.

«Фантастик пластик» — первая в Перми выставка, посвящённая дизайну. Несмотря на всю модность этой профессии и этого понятия, дизайн, как явление новое, ещё очень плохо музеефицирован. Единственный в России Московский музей дизайна возник совсем недавно, в 2012 году, и это учреждение частное, построенное на энтузиазме нескольких молодых дизайнеров во главе с Александрой Саньковой — директором музея и куратором выставки, открывшейся в Перми. За недолгое время своего существования Московский музей дизайна успел получить золотую медаль Британской биеннале дизайна и предложение от Третьяковской галереи открыть там постоянную экспозицию.

«Фантастик пластик» — экологический просветительский проект, который демонстрируется в разных городах России. Его пафос в том, что главная опасность, связанная с пластиком, — не в его применении, а в его неправильной утилизации. Как утилизировать все эти пакеты и бутылки правильно, как раз и показывает выставка.

Возможностей множество: от бижутерии и ковров до строительных материалов и мебели. Было бы отлично, если бы всё это выставлялось в PERMM, так сказать, «во плоти», но, увы, основные экспонаты «Фантастик пластика» — это распечатки-репродукции, далеко не всегда высокого качества.

Что ж, дизайн как выставочная тема это позволяет, ведь он, в отличие от своего предшественника, декоративно-прикладного искусства, связан с промышленным производством, поэтому каждый из его предметов не несёт уникальности. К тому же в экспозиции всё же есть и подлинники — например, прелестная бижутерия от Екатерины Лукьяновой, сделанная из пластиковых бутылок, или яркие сумки от нидерландской компании Engel — мирового лидера в переработке пластика. Кстати, голландских экспонатов на выставке около трети: эта страна особенно продвинулась в экологических технологиях.

Одна из особо перспективных сфер утилизации пластика — это мода. Платье из пакетов с фирменными логотипами торговых сетей, одежда, связанная из пластиковых нитей, — всё это, по выражению Александры Саньковой, «зверский модняк». Сама директриса Московского музея дизайна шего-

ФОТО АЛЕНА УЖЕГОВА

Модные кроссовки из 100%-ного пластика от Parley, Adidas и Стеллы Маккартни

ляла на вернисаже с сумочкой из автопокрышки на поясе, а арт-директор PERMM Наил Аллахвердиев вышла в ярко-розовых пластиковых кроссовках совместного производства Parley, Adidas и Стеллы Маккартни — наглядном доказательстве того, что пластиковым дизайном заинтересовались самые раскрученные бренды.

Кураторы выставки сознательно делали акцент на утилитарные предметы, а не на искусство, потому что если учитывать ещё и использование вторичного пластика в современном искусстве, то тема будет уже совсем необъятной. Единственное исключение в экспозиции — арт-объекты Мивы Коидзуми (США) — нежные полупрозрачные существа из пластиковых бутылок, удивительно перекликающиеся по эстетике с «медузами», населяющими сцену зальцбургского «Идомедея».

Судя по экспозиции «Фантастик пластика», утилизация пластика открывает по-настоящему фантастические перспективы. Ведь этот материал вечен, а его переработка не требует дорогостоящих и громоздких промышленных производств — зачастую достаточно 3D-принтера. Таким образом, вполне разумно стремиться к «круговороту пластика в природе», чтобы все изделия из него утилизировались, а новые вообще не производились, как в американско-голландском проекте безотходного бистро.

Актуальность вторичной переработки пластика доказывает множество примеров: так, на Олимпиаде в Токио в 2020 году планируется изготавливать из вторичного пластика ленты для медалей, а российское предприятие «Сибур-Химпром» готовится к открытию завода по переработке пластика в Нижнем Новгороде. Московский же музей дизайна сейчас готовит большой каталог выставки «Фантастик пластик» — первое в России издание, посвящённое экологическому дизайну.